

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ / REGIONAL SECURITY ISSUES

Научная статья / Research article

Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст

А. А. Князев

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3365>; e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматривается политика РУз на афганском направлении — как с точки зрения обеспечения безопасности, так и в контексте экономического и транспортного взаимодействия. Отмечается неэффективность общей с другими странами коллективной политики изоляции от зоны конфликта, приведшая к радикализации движения талибов и росту угроз со стороны Афганистана. Негативные последствия имела и политика Узбекистана и других стран региона по взаимодействию с этнополитическими группами национальных меньшинств, исключающая контакты и взаимодействие с движением «Талибан». В последующем проактивная политика Узбекистана превращает его в фактического регионального лидера в отношении Афганистана, при этом внешняя политика Узбекистана реализуется в рамках многовекторной внешнеполитической концепции. Геополитические изменения 2022 года серьезно повышают значимость всего региона и Узбекистана для России. Сохранение уровня стабильности в Афганистане становится также важной общей задачей. Узбекистан находится в группе стран, занимающих наиболее конструктивные и позитивные позиции в отношении афганской проблемы. Среди других интересов Узбекистана выделяются трансграничные коммуникационные проекты. В частности, это проект трансафганской железной дороги, интерес к участию в нем в 2022 году проявляется и российской стороной. Основные угрозы нестабильности для Афганистана и стран Центральной Азии связаны с геополитическими устремлениями США. США обладают большим количеством прокси-ресурсов для эскалации военно-политического конфликта в Афганистане, который обязательно будет проецироваться и на страны региона. Эта ситуация делает необходимой более интенсивную координацию действий в отношении Афганистана для Узбекистана и всех заинтересованных стран: России, стран Центральной Азии, Ирана, Китая, Пакистана, Индии.

Ключевые слова: Узбекистан, Афганистан, внешняя политика, Центральная Азия, движение талибов, трансграничные проекты, безопасность

Для цитирования: Князев А. А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. 2023;3(6):266-280.

Afghan policy of Uzbekistan: comparative context

Alexander Al. Knyazev

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3365>; e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Abstract. The article discusses the policy of the Republic of Uzbekistan in the Afghan direction — both from the point of view of ensuring security, and in the context of economic and transport cooperation. The ineffectiveness of the collective policy of isolation from the conflict zone common with other countries, which led to the radicalization of the Taliban movement and the growth of threats from Afghanistan, is noted. The policy of Uzbekistan and other countries of the region to interaction with ethno-political groups of national minorities, which excludes contacts and interaction

with the Taliban movement, also had negative consequences. Subsequently, the proactive policy of Uzbekistan turns it into a de facto regional leader in relation to Afghanistan, while the foreign policy of Uzbekistan is implemented within the framework of a multi-vector foreign policy concept. Geopolitical changes in 2022 seriously increase the importance of the entire region and Uzbekistan for Russia. Maintaining the level of stability in Afghanistan is also becoming an important common task. Uzbekistan is in the group of countries that take the most constructive and positive positions on the Afghan problem. Among other interests of Uzbekistan, cross-border communication projects stand out. In particular, this is a project of the Trans-Afghan railway, and Russian side is also showing interest in participating in it in 2022. The main threats to instability for Afghanistan and countries of Central Asia are connected with the geopolitical aspirations of the United States. The United States has a large number of proxy resources for the escalation of the military-political conflict in Afghanistan, which will certainly be influence to the countries of region. This situation necessitates more intensive coordination of actions regarding Afghanistan for Uzbekistan and all interested countries: Russia, the countries of Central Asia, Iran, China, Pakistan, and India.

Keywords: Uzbekistan, Afghanistan, foreign policy, Central Asia, Taliban movement, cross-border projects, security

For citation: Alexander Al. Knyazev Afghan policy of Uzbekistan: comparative context // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;3(6):266-280. (In Russ.).

Особенностью рассматриваемой тематики является то обстоятельство, что, применительно к самому новейшему времени и в силу динамичных трансформаций, изучаемых объекта и предмета, по ней за редкими исключениями отсутствуют полноценные академические исследования. Анализ происходящих процессов в большинстве случаев носит оперативный и, соответственно, кратковременный характер, исключая, как правило, определение долгосрочных тенденций и фундаментальных оценок. Важной спецификой, ограничивающей использование большинства существующих материалов, включая и событийный ряд, является высокая степень их ангажированности заинтересованными сторонами, что превращает информацию в элемент современных конфликтов различного уровня. В этих условиях опора на информацию о тех или иных фактах и событиях чрезвычайно часто становится основой для субъективных оценок и мнений. Тем не менее, в исследовательской работе, предмет которой находится в постоянном и динамичном развитии, средства массовой информации являются зачастую едва ли не единственным средством фиксации информации о текущих событиях, включая оценки и мнения участников этих событий и, следовательно, важным и необходимым источником, требующим постоянной верификации на предмет достоверности.

Имманентным изъяном многих из имеющихся исследований нужно считать и недостаточность базовых востоковедческих знаний об Афганистане, что зачастую становится причиной ошибочных представлений и выводов. Формирование мнений о происходящем в Афганистане в высокой степени формируется в хаотичном информационном пространстве под воздействием стереотипов, зачастую созданных авторами, далекими от реальной исследовательской практики.

Тем не менее, ряд имеющихся публикаций академического характера рассматривает долгосрочные тенденции по ситуации в Афганистане с проекцией на страны Центральной Азии, включая и их внешнеполитическую активность. Эволюция системы региональной безопасности в регионе в большом историческом измерении рассматривается в работах С.М. Акимбекова и А.А. Князева [Акимбеков 2003, Князев 2004]. Афганское направление внешней политики Узбекистана и других стран региона в разные периоды времени качественно рассматривают центральноазиатские авторы, например Р.Б. Махмудов, Б.И. Эргашев, С.Т. Мирзоев и ряд других [Махмудов 2021, Эргашев 2013, Мирзоев 2019].

Трансграничные проекты занимают ключевое место в афганской политике Узбекистана, являясь одним из главных приоритетов этой политики и предметом внимания в

исследованиях по трансграничным коммуникациям. Фундаментальные характеристики транспортно-логистических проектов, формирующих взаимосвязанность Афганистана с Центральной Азией, дает еще в начале XX века один из классиков российского востоковедения А.Е. Снесарев [Снесарев 2002, 2017]. Применительно к настоящему времени эти вопросы рассматриваются в работах ряда исследователей в странах региона и в России [Сафранчук, Махмудов, 2021].

Необходимость преодоления многих современных деформированных представлений о процессах в Афганистане и его связях со странами региона обуславливает и потребность в рассмотрении данной тематики путем применения признанных научных методологических подходов, включая и сравнительный анализ. Особенно актуально это становится в связи с происходящими процессами стремительной глобальной трансформации международного пространства, когда анализ, имеющий инструментальную значимость для практической политики, является важной прикладной задачей.

Ретроспективный взгляд

С распадом СССР элиты новых независимых государств оказались заняты основами государственного строительства и собственного самоопределения. Проблемы региональной безопасности выглядели вторичными благодаря тому, что афганское направление внешней политики новых государств Центральной Азии — Узбекистан в этом не был каким-либо исключением — сохраняло инерцию последних лет существования Советского Союза. На афганском направлении система безопасности в регионе после вывода советских войск из Афганистана опиралась на два момента. Во-первых, на сохранение возможной изоляции от событий в Афганистане, во-вторых — на поддержку режима правительства Наджибуллы, который, по сути, должен был выполнять функции буферного государства [Акимбеков 2003: 175-178]. В силу этой инерции и на фоне происходившей в 1992-1994 гг. локализации афганского конфликта медленно, во многом противоречиво, осуществлялась трансформация системы безопасности позднего СССР в новую региональную систему безопасности государств Центральной Азии.

Главным условием действенности этой системы безопасности была избрана та же изоляция от зоны афганского конфликта. Впрочем, в новых условиях полноценно сохранить этот принцип оказалось невозможным, а приход талибов к власти в Кабуле в сентябре 1996 года заставил руководителей стран региона (за исключением занявшей особую позицию Туркмении) и России более активно реагировать на соседство со страной, находящейся в состоянии военного конфликта.

В целом, обновленная и чаще формально согласованная политика стран региона оставалась скорее бессистемной, ситуативной, и за исключением отдельных рефлексий направленной на прежнюю изоляцию от Афганистана.

Новым элементом этой политики была поддержка антиталибских сил, что одновременно препятствовало какому-либо взаимодействию с правительством «Талибана». Обстоятельства, связанные с гражданской войной в Таджикистане, вынудили основных тогдашних акторов региональной системы безопасности — Узбекистан и Россию — искать пути нейтрализации негативного воздействия с афганской территории. Это была попытка создать систему буферных образований: до конца 1990-х гг. Россия и Узбекистан взаимодействовали с афганскими антиталибскими группировками. Узбекистан оказывал поддержку преимущественно узбекской группировке генерала Абдул Рашида Дустиума, Россия при посредничестве Таджикистана поддерживала контакты с таджикским правительством Бурханутдина Раббани [Князев 2004: 184]. Но весь ход развития событий в Афганистане к концу 1990-х гг. свидетельствовал о низкой эффективности избранных стратегий и тактик. Принципиально важной ошибкой этого периода нужно считать ставку, сделанную на этнополитические группировки этнических меньшинств — как в политике России и Таджикистана, так и в политике Узбекистана.

К маю 1999 г. относятся первые известные инициативы Узбекистана по налаживанию двусторонних отношений с талибами. Летом 1999 г. министр иностранных дел РУз в неафишируемой части своего визита в Па-

кистан побывал и в Афганистане, в Кандагаре, где встретился с лидером «Талибана» муллой Мохаммадом Омаром: это была первая встреча лидера талибов с официальным лицом из стран СНГ такого ранга. На встрече обсуждался вопрос участия представителей движения «Талибан» в предстоявшей в тот момент в Ташкенте встрече по афганскому урегулированию в формате «6+2». Камилов вручил мулле Омару послание президента Узбекистана Ислама Каримова с призывом к установлению добрососедских отношений между Узбекистаном и движением «Талибан», однако мулла Омар заявил, что «Талибан» не будет участвовать в ташкентских переговорах, если не будет приглашен как официально признанное правительство Афганистана [Князев 2004: 194-195]. Вопрос, который в тот момент в наибольшей степени волновал руководство РУз — это кооптация Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в ряды союзников талибов. Однако, эта диалоговая тенденция была прервана событиями 2001 г. и не в последнюю очередь в связи с тем фактом, что в самом движении талибов победила внутренняя линия на радикализацию и привлечение на свою сторону большого количества иностранных боевиков, включая и ИДУ.

Внешняя изоляция и, как следствие, консервация внутриафганского конфликта стала к 2001 г. генерирующей основой интеграции «Талибана» с международными террористическими группировками и запуска процесса превращения страны в базу для агрессивных действий под религиозными фундаменталистскими лозунгами в отношении всего субрегиона с активным участием и неафганских сил. Это обозначило принципиально новый статус Афганистана с точки зрения интересов безопасности стран Среднего Востока, Центральной и Южной Азии. Это обстоятельство стало и основой для поддержки в странах региона, включая РУз, американской и британской военной операции в октябре 2001 г., что само собой на довольно продолжительное время подразумевало и разрыв всех связей с движением талибов.

В последующем афганское направление во внешней политике Узбекистана относится к числу наиболее приоритетных, и данная политика, — примерно с 2015 г. это и прямой

контакт с движением талибов. К этому времени Узбекистан уже «накопил серьезный опыт в реализации проектов по реконструкции в Афганистане и вполне естественно, что он «может инициировать реализацию проектов, важных для социально-экономического развития Афганистана» [Эргашев 2010: 71-76]. Естественно, что Узбекистан в этот период был не готов взять на себя ответственность за комплексное урегулирование в Афганистане, но будучи ближайшим и достаточно влиятельным региональным игроком, рассчитывал стать частью масштабного процесса афганского урегулирования того времени [Князев 2018].

Помимо ряда инициатив включения в различные переговорные инициативы представителей «Талибана» в 2018-2020 гг., заслуживают внимания попытки запуска процессов общерегионального участия в афганском развитии. В марте 2018 г. в Ташкенте прошел форум под названием «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие», в июле 2021 г. состоялось аналогичное мероприятие высокого уровня под названием «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности». Эти и ряд других международных мероприятий совершенно очевидно были (и остаются в последующем) направлены на достижение главного афганского интереса Узбекистана. Афганистан рассматривается как принципиально важный рынок для ряда отраслей промышленности РУз, и как пространство коммуникации со странами Южной и Юго-Восточной Азии, Персидского залива, бассейна Индийского океана. Интенсификация афганского направления диктуется, прежде всего, потребностями собственного развития: переходом страны после 2016 г. от импортозамещающей модели экономики к экспортно ориентированной, предусматриваемым «Страте-

гией действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017-2023 гг.»¹.

При этом в сравнении, например, с Туркменией или Ираном, Узбекистан немного более сдержан в общении с правительством движения талибов после его прихода к власти в Кабуле в августе 2021 г. Так, в частности, в отличие от Ашхабада, Пекина, Исламабада, Дохи, Анкары и Москвы, в Ташкенте воздерживаются от аккредитации талибских дипломатов даже в ранге *chargé d'affaires*. Декларируемое отношение к этому правительству можно охарактеризовать как предельно общее, критикуемые большинством других внешних акторов извне действия талибов, в СМИ и в любой публичной риторике в РУз вербализируются в предельно минимальной степени.

В целом позицию Узбекистана в период накануне прихода движения талибов к власти в Кабуле (весна-лето 2021 г., и непосредственно в августе 2021 г.) характеризует как усиление мер военной/пограничной безопасности, так и параллельные контакты с обеими сторонами афганского конфликта: с действовавшим правительством Афганистана и с движением «Талибан» [Князев 2021: 462]. В июле 2021 года на полях конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» в Ташкенте было объявлено о создании новой переговорной группы по афганскому урегулированию в составе США, Афганистана, Пакистана и Узбекистана. Однако в течение последующего времени эта американская инициатива никаким образом не реализовалась, поскольку изначально не учитывала принципиально меняющейся обстановки в Афганистане. Инициатива же по взаимосвязанности может рассматриваться и как один из сегментов многоцелевого американского проекта C5+1, а участие в ней — как стремление РУз хотя бы на тактическом

уровне связать свои приоритеты с интересами мировых центров влияния в рамках многовекторной внешнеполитической концепции.

17 августа 2021 г. МИД Узбекистана сделал официальное заявление по Афганистану: «Поддерживаем заявления внутриафганских сил о готовности к формированию инклюзивного правительства... Выражаем надежду, что транзит власти в стране будет осуществлен мирным путем на основе всеобщего консенсуса с учетом общепринятых норм международного права». «Дипломатические миссии Узбекистана в Кабуле и Мазари-Шарифе работают в штатном режиме, узбекская сторона поддерживает тесные контакты с представителями движения «Талибан» по вопросам обеспечения охраны границ и сохранения спокойствия в приграничной зоне»².

Одновременно Узбекистан принимает участие и в коллективных мерах военного характера по поддержанию безопасности на границе с Афганистаном. 10 августа 2021 г. на военном полигоне Харбмайдон в Таджикистане завершились совместные учения с участием 2,5 тысяч военнослужащих России, Таджикистана и Узбекистана. Это вовсе не была какая-либо тенденция к возвращению РУз в ОДКБ, в которой свое членство Узбекистан приостановил в 2011 году. В военном отношении, в отличие от Туркмении или Таджикистана, Узбекистан вполне самостоятелен с точки зрения угроз с афганского направления. В руководстве Узбекистана наверняка присутствовало понимание того, что угрозы не носят прямой трансграничный характер, а кроме того, двустороннее военное сотрудничество с Россией является дополнительной гарантией обеспечения безопасности в военном отношении. Военное союзничество Узбекистана с Россией, базирующееся на договоре о союзнических отношениях от 6 мая 2006 г., в событиях лета —

¹ Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017-2023 гг. // Проект указа Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». 7 февраля 2017 года. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 03.02.2023).

² МИД Узбекистана сделал официальное заявление по Афганистану. — UzDaily. — Ташкент, 17.08.2021. — URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/63000> (дата обращения 03.02.2023).

начала осени 2021 г. подтверждает свою эффективность, в том числе, с задействованием еще одной страны-члена ОДКБ, Таджикистана.

В последующий период заслуживают внимания прецеденты антитеррористического сотрудничества между соответствующими структурами РУз и представителями «Талибана». Первый прецедент возник после обстрела территории РУз с афганской стороны боевиками ИГИЛ в августе 2022 г.: было осуществлено совместное расследование происшествия и приняты совместные меры по предотвращению подобного. Этот прецедент важен с учетом, безусловно, того факта, что движение талибов с 2015 года и по текущий момент является единственной силой, реально противостоящей активности ИГИЛ на территории Афганистана.

Общую позицию Узбекистана по отношению к собственно конфликту в Афганистане в те дни сформулировал министр иностранных дел РУз Абдулазиз Камиллов: «Во-первых, мы должны понять, что у афганского кризиса нет военного решения. Во-вторых, крайне важно, чтобы Афганистан стал неотъемлемой частью региона Центральной Азии. В-третьих, у мирного процесса в Афганистане должно быть единое региональное и международное решение» [Камиллов 2021].

Общие черты взаимодействия с движением талибов

В дипломатическом пространстве позиция Узбекистана состоит в том, что в Афганистане необходимо достижение широкого политического представительства всех слоев афганского общества в государственном управлении, а также обеспечения соблюдения основных прав и свобод человека, в частности национальных меньшинств. Одновременно дипломатия РУз говорит о важности недопущения изоляции Афганистана и его превращения в «страну-изгоя». В связи с этим предлагается разморозить активы Афганистана в зарубежных банках в целях предотвращения масштабного гуманитарного кризиса и роста потока беженцев, а также продолжения содействия Кабулу в

экономическом восстановлении и решении социальных проблем. В политической сфере Узбекистан ориентируется на поведение всех внешних акторов, формируя при этом единую линию своей политики. Это относится, в частности, к стоящему на повестке дня вопросу о признании правительства «Талибана». Одновременно, отлаживаются схемы возобновления деятельности РУз в Афганистане в экономической сфере. Афганская политика Узбекистана реализуется в последовательных парадигмах и можно охарактеризовать ее как сдержанную и прагматичную.

Вообще, говоря об Узбекистане, нужно отметить его высокую и позитивную проактивность на афганском направлении. В этом плане заслуживает интереса дискуссия, случившаяся между министрами иностранных дел Узбекистана и Германии. В ходе визита германского министра в Ташкент Владимир Норов заявил, что международное сообщество должно помочь в возвращении афганских активов, замороженных за границей, и восстановлении там инфраструктуры. Анналена Бербок отметила, что у Германии и Узбекистана разные взгляды на этот вопрос: «Мы считаем, что «Талибан» украл у людей свободу в Афганистане. Я хотела бы воспользоваться этой возможностью, чтобы сказать, что мы против того, что делает нынешнее правительство Афганистана»¹. Конструктивная позиция Узбекистана только подчеркивается абстрактной демагогией германского министра о свободе на фоне гуманитарного кризиса и потенциала нестабильности в Афганистане. В Ташкенте ситуация в Афганистане осознана как вопрос собственных безопасности и развития.

Последовательная и активная работа Узбекистана по ситуации в Афганистане подтверждается многократно: так, министром инвестиций и внешней торговли Узбекистана Сардором Умурзаковым во время встречи представителей стран-соседей Афганистана в Китае 30-31 марта 2022 г., было озвучено предложение выработать меха-

¹«Мы не согласны с Узбекистаном в этом вопросе» — Бербок о движении «Талибан»// Kun.uz. — Ташкент, 01.11.2022. URL: <https://kun.uz/ru/51775710> (дата обращения 03.02.2023).

низмы и критерии для международного признания временного правительства Афганистана. В этой интерпретации признание нынешнего правительства Афганистана позволит ускорить интеграцию страны в региональное пространство и международное сообщество. Ранее, в ходе визита в Пакистан президента РУз Шавката Мирзиёева, главами двух государств также обсуждалась идея создания некоего «регионального консенсуса» по вопросу признания правительства «Талибана». Де-факто же в ряде заинтересованных в конструктивной работе с Афганистаном стран в течение 2022 г. происходит официальная аккредитация дипломатов, направленных от правительства талибов: в статусе «временных поверенных в делах» они работают в посольствах Афганистана в Пекине, Исламабаде, Ашхабаде, Москве (6 апреля 2022 г. МИД РФ выдал аккредитацию новому главе миссии Джавалу Насиру Гарвалу). Еще в ряде столиц — Тегеране, Анкаре, Дохе, найдены другие варианты: например, в Иране посол прежнего афганского правительства дал согласие представлять правительство «Талибана». Официально в Ташкенте представители правительства «Талибана» не работают, но, в любом случае, постоянные контакты осуществляются как на более высоком правительственном уровне, так и на местном и отраслевом, межведомственном.

В этом контексте нужно рассматривать и прошедшую в Ташкенте 25-26 июля 2022 г. конференцию «Афганистан: безопасность и экономическое развитие». Принципиальное отличие новой конференции от множества международных мероприятий по афганской тематике этого периода — ее содержание было направлено не столько на вопросы безопасности в Афганистане, сколько посвящено экономическому развитию страны. Кроме того, проведение конференции нужно рассматривать, во-первых, как действие Ташкента по восстановлению своей роли как главного регионального инициатора и медиатора в переговорных процессах по Афганистану в новых условиях в стране. И, во-вторых, задачей было восстановление процесса, начатого конференцией по взаимосвязанности Центральной и Южной Азии, прошедшей в июле 2021 г. К лету 2022 г., когда ситуация

в Афганистане определялась как долговременно неопределенная, потребность в возобновлении дипломатического процесса вокруг Афганистана объективно существовала. Появление в Афганистане различных антиталибских групп, не склонных к участию в политическом урегулировании, но пытающихся реализовать партизанскую, диверсионную тактику, не способствует стабилизации в стране. Такой же эффект создают и заявления афганских политиков из-за рубежа. Вся эта активность на практике суммируется с деятельностью на территории Афганистана с террористическими группировками неафганского происхождения и создает вероятность новой дестабилизации страны. Что естественным образом будет вести и к эскалации угроз и рисков для сопредельных стран.

Не случайно, на встрече в формате «ШОС-ОДКБ» в Душанбе 17 сентября 2021 г. президент РУз Шавкат Мирзиёев предложил расширить практическое взаимодействие спецслужб, Исполкома РАТС ШОС и Секретариата ОДКБ по ситуации в Афганистане. Но там же президент Узбекистана предложил и постепенный переход к признанию новых властей Афганистана, для чего ШОС и ОДКБ предложено разработать общую стратегию. Еще одно предложение Мирзиёева: необходимо продолжение уже начатых социально-экономических и инфраструктурных проектов в Афганистане [Мирзиёев 2022]. Таким образом, одной из важнейших мотиваций для Узбекистана остается формирование условий в Афганистане, позволяющих приступить к реализации инфраструктурных, транспортных и энергетических проектов, направленных в направлении Южной Азии и Среднего Востока.

Проектирование транспортной взаимосвязанности

Узбекистан, а также Туркменистан и Иран, это три страны в регионе, где уже длительное время наиболее четко сформулирован собственный стратегический интерес к преодолению транспортной ограниченности Афганистана. Этот интерес заложен в целый ряд трансафганских проектов разной степени реалистичности, имеющих большую историю.

Афганистан является страной, практически не охваченной железнодорожным сообщением, хотя и занимает ключевое пространство между большими евразийскими макро-регионами. Начало проектированию трансафганских железнодорожных маршрутов относится к периоду подготовки Великобританией второй войны с Афганистаном (1878-1880 гг.), позже были проект железной дороги Бомбей-Багдад и проект по маршруту Оренбург — Ташкент — Балх (Мазари-Шариф) — Кабул — Пешавар. В разное время предлагались и другие маршрутные варианты, но, как отмечал А.Е. Снесарев, «все ограничивалось таким вполне гадательным суммированием верст, оставляя в стороне политические, экономические, торговые, топографические и другие данные» [Снесарев 2017: 209]. Оценивая экономическую целесообразность этих проектов, А.Е. Снесарев указывал на их перспективы, но он обращает внимание и на трудности строительства. А.Е. Снесарев делает вывод о преимуществе т.н. гератского направления трансафганской железной дороги: «будущей железной дорогой выгоднее будет русскую и индийскую сети сомкнуть на участке Кушка-Новый Чаман через Герат-Себзевар, Тиришк [имеется в виду город Гиришк — А.К.] и Кандагар» [Снесарев 2017: 227]. Сложность маршрута в разных его вариациях, а также оцениваемая как невысокая рентабельность, мотивировали отказ уже советского руководства от его реализации, когда он был предложен Н.А. Булганину и Н.С. Хрущеву в ходе подготовки к официальному визиту в Индию, Бирму и Афганистан в 1955 г. (рассматривался маршрут Кабул-Джелалабад-Пешавар), а также предложения 1980-х гг.

В трансграничных транспортных приоритетах Ташкента можно отметить несколько направлений: помимо проектов афганского направления — строительства железных дорог Мазари-Шариф — Герат и Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар это и проекты иранского направления. Реализуемая с 2016 года экспортоориентированная модель экономики Узбекистана настоятельно требует диверсификации выходов на внешние рынки, включая морские порты. Однако применительно к маршруту на иранском направлении для Узбекистана существуют риски

угрозы санкций со стороны США. В то же время, непрямая поддержка со стороны США проекту Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар, помимо антииранской составляющей должна рассматриваться и в рамках стратегии США по вовлечению стран Центральной Азии в процессы в Афганистане и формирования региона «Большой Центральной Азии». Одна из целей этой стратегии — актуализация любых транзитно-транспортных проектов, в которых имеет интересы Узбекистан, с целью противопоставления их интересам России в этой сфере. В то же время, исключение иранского транспортного хаба Чабахара из санкционного списка 2018 г. является прямым следствием американской стратегии по Южной Азии, которая направлена на ограниченную поддержку роста экономики Афганистана за счет развития его партнерства с Индией, являющейся главным инвестором и оператором Чабахара. Поэтому, несмотря на общие планы по максимальному давлению на Иран, США фактически поддерживают развитие Чабахара и с высокой вероятностью не стали бы препятствовать строительству связанной с ним железной дороги.

Тем не менее, начиная с 2018 года приоритетом РУз здесь является проект строительства Трансафганской железной дороги: Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар с выходом на порты Гвадар и Карачи. В трехстороннем — Узбекистан-Афганистан-Пакистан — формате с этого времени проходит большое количество разнообразных переговорных мероприятий. Рассматриваются различные аспекты реализации проекта, а также практические вопросы, связанные с организацией трехсторонней совместной международной экспедиции для проведения геодезических, гидрогеологических и топографических исследований, подготовкой схемы прокладки участков железнодорожной линии и соответствующих картографических материалов, разработкой предварительного технико-экономического обоснования проекта, а также выработкой эффективных механизмов финансирования предпроектных исследований, управлением строительством и распределением обязанностей сторон. В разное время заинтересованность в финансировании

проекта демонстрируют в таких организациях, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Европейский банк реконструкции и развития, Исламский банк развития, Всемирный банк по Центральной Азии, Азиатский банк развития, Европейский инвестиционный банк, а также Международная финансовая корпорация. Однако конкретных предложений по кредитованию проекта так и не появилось.

Страны-участницы признают, что в связи с проведением строительных работ в горной местности, где большей частью пролегает маршрут железной дороги, проект характеризуется высокой степенью сложности, а, следовательно, и дороговизной, в отличие от ранее обсуждавшегося проекта по маршруту «Мазари-Шариф — Герат — Чабахар». Очевидно, что при реализации «необходимо внедрение и использование инновационных инфраструктурно-интеграционных и организационно-институциональных механизмов, скрепляющих единство страны» [Зоидов, Медков 2021]. Меньше сообщается об обсуждении проблем безопасности для проекта на территории Афганистана и в пакистанской провинции Белуджистан.

Существуют также проблемы геополитического характера. Заинтересованность Индии в развитии маршрута «Мазари-Шариф — Герат — Чабахар» и известный характер непростых индийско-пакистанских взаимоотношений в ситуации отказа Узбекистана от данного проекта ставили РУз в сложную ситуацию двусторонних отношений с Дели. Одновременно, заинтересованность Китая в развитии Гвадара вроде бы должна быть в пользу узбекского проекта. Однако он во многом противоречит схемам маршрутов проекта «Один пояс — один путь» (китайско-пакистанский экономический коридор и широтные дороги Пешавар — Кандагар с выходом к Герату и проекта Кашгар — Файзабад — Мазари-Шариф — Герат по северу Афганистана, ряд других). В целом, китайская сторона заинтересована преимущественно в создании и развитии транспортных коридоров через территорию Афганистана только в широтных направлениях. Таким образом, к препятствующим факторам — отсутствию финансирования, состоянию

сферы безопасности, ландшафтно-технологическим сложностям добавляются и противоречивые позиции принципиально важных для Узбекистана внешних акторов.

До 2022 г. строительство железной дороги в направлении Кабула и Пешавара с точки зрения интересов России не актуализируется. Российский стратегический приоритет — это коридор «Север-Юг» в направлении Чабахара и далее в Мумбаи. Локальный интерес ОАО «Российские железные дороги» скорее состоял в участии в строительстве как в коммерческом проекте в качестве подрядчика. Но на фоне глобальных изменений, в центре которых находится после начала специальной военной операции на Украине Россия, геополитическая ситуация вокруг этого проекта начинает меняться. Без транзитной составляющей проект Трансафганской железной дороги изначально имел ограниченный экономический смысл. Разворот внешнеэкономической деятельности России от Европы на южное и восточное направления меняет смысл данного проекта для российской стороны. Теперь этот проект уверенно рассматривается как дополнительный коридор, благодаря которому Россия диверсифицирует южное направление с выходами как в иранские, так и пакистанские порты, обеспечивая наполнение транзита.

Важным для российской стороны является то, что, согласно уже достигнутым договоренностям между Узбекистаном, Пакистаном и Афганистаном, дорога будет иметь «советский» стандарт колеи шириной 1520 мм, что обеспечит простоту транзита по всей территории бывшего СССР. Выбор колеи был естественным образом предопределен тем, что ее уже имеют железные дороги Узбекистана, и переход на другой стандарт окажется дорогим. Смена колесных пар, согласно существующим узбекско-пакистанским договоренностям, будет осуществляться уже на территории Пакистана. Афганистан обречен в любой из возможных перспектив выполнять функцию интегратора железнодорожных стандартов. На первый взгляд, это, вроде бы, усложняет будущее железнодорожное строительство в Афганистане, но одновременно и способно стать существенным в масштабах страны источником доходов и механизмом создания рабочих

мест на смене колесных пар между стандартами — гипотетически доминирующим российским и иранским (европейским).

Таким образом, в случае реализации проекта единое, технологически российское, пространство охватит и территорию Афганистана. Рассматривая более отдаленные перспективы, можно предположить, что при реализации этого проекта в последующем железнодорожном строительстве российский стандарт может стать преобладающим по всей территории Афганистана. Вовлечение в проект России и ЕАЭС кардинально повысит транзитный потенциал дороги, обеспечив увеличение объема перевозимых по ней грузов, снижение рисков, которые в условиях перманентной военно-политической нестабильности в Афганистане могут быть высокими, и привлечение финансирования. В последнем вопросе важно, что несмотря на противоречивое отношение к проекту в целом, определенный интерес он мог бы иметь для КНР в случае запуска освоения месторождения Мес-Айнак в Афганистане, по условиям которого китайская сторона должна обеспечить и железнодорожную связь месторождения с выходом на внешние рынки и в направлении самого Китая.

В августе 2022 г. начались экспедиционные работы на территории Афганистана для определения и исследования маршрута, по итогам проведенных работ разрабатывается ТЭО с последующим определением условий проведения тендера, по результатам которого будет избрана компания непосредственно для строительства. По итогам экспедиционных работ (лето 2022 г.) определенный интерес представляет окончательное решение по маршруту дороги, взамен варианта через перевал Саланг теперь определен видоизмененный маршрут с пересечением территорий провинций Бамиан и Вардак, с возможностью соединения с территорией провинции Дайкунди, в направлении которой существуют иранские проекты строительства железнодорожного маршрута. Сопряжение узбекского проекта с иранским в центре Афганистана помимо интересов двух стран позволило бы создать принципиально новую транспортную конфигурацию для всего региона в интересах общего развития регионов

Центральной и Южной Азии, и Среднего Востока.

В контексте политики региональных стран

Афганский вектор в политике России, Узбекистана, Туркмении, а также Ирана и, во многом, Китая, содержит в себе два взаимосвязанных компонента. Во-первых, это конструктивное сотрудничество с правительством движения талибов, являющимся де-факто действующим, несмотря на его низкую эффективность и противоречивые иногда действия. Такой подход подразумевает в себе стремление к сохранению стабильности и повышению ее уровня в Афганистане и, таким образом, к постепенному снижению уровня угроз, существующих с афганского направления. Этот подход однозначно подразумевает отказ от изоляции Афганистана, приведшей в 1990-х гг. к радикализации движения талибов и росту террористического потенциала страны.

Во-вторых, и это скорее выглядит превентивным, это усиление военной антитеррористической составляющей на случай возникновения приграничных угроз в ситуации слабого контроля над своей территорией со стороны кабульского правительства. Одновременно, усиление военного компонента можно расценивать и как создание некоего рычага давления на движение талибов в случае его эволюции в сторону радикализации и при вероятности активизации угроз на границах с Афганистаном.

За исключением Таджикистана, такая тактика с незначительными отличиями прослеживается фактически у всех стран региона, ярким примером может служить Иран, ведущий активную работу по реализации своих интересов, связанных с Афганистаном, несмотря даже на ряд пограничных конфликтов на немаркированных участках границы с Афганистаном. Там возник важный прецедент в обеспечении пограничной безопасности — создание совместного с талибами органа по урегулированию подобных инцидентов. Заслуживает внимания также прецедент антитеррористического сотрудничества между соответствующими государственными структурами РУз и представителями «Талибана». После обстрела территории РУз

с афганской стороны боевиками ИГИЛ в августе 2022 года было осуществлено совместное расследование происшествия и приняты совместные меры по предотвращению подобного. Эти прецеденты важны с учетом того факта, что движение талибов с 2015 г. и по текущий момент является единственной силой, реально противостоящей активности ИГИЛ на территории Афганистана. В этом контексте заслуживает серьезного внимания и инициатива, выдвинутая спецпредставителем президента Ирана Хасаном Каземи Куми о необходимости создания регионального комитета по безопасности: талибам следует помочь в борьбе с терроризмом, но не самостоятельными военными интервенциями, а обучением, обменом разведданными и поставками оборудования¹.

Страны, занимающие конструктивные и рациональные позиции, не признавая правительство «Талибана», настаивая на инклюзивности правительства, но в то же время контактируя с руководством талибов и пытаясь оказать на него нужное воздействие исходят из полного отсутствия каких-либо альтернатив движению талибов. Бывший посол Ирана в Кабуле Мохаммад Реза Бахрами отмечает: ««Талибан» останется основным держателем акций в Афганистане на обозримый период, ... что будет удерживать страну в переходном периоде. Существует... вероятность формирования внутреннего конфликта. Но необходимость выживания является первоочередной задачей всех фракций талибов, и это останется наиболее важным сдерживающим фактором»².

Дипломатия Узбекистана традиционно не склонна к какому-либо публичному эпатажу, поведение Узбекистана включено в общую для вышеперечисленных стран парадигму, исходя из абсолютной недопустимости изоляции Афганистана. Афганская политика других стран Центральной Азии также в целом прагматична. Для Казахстана Афганистан — критически важный рынок экспорта

зерна и муки, существенное значение для Казахстана, как и для Узбекистана, имеет и транзит товаров из России и Китая в Афганистан. Казахстан сохранил в Кабуле свое посольство, одним из первых установил деловые контакты с правительством движения талибов уже в августе 2021 г. В политической плоскости позиция Казахстана не оригинальна: декларируется поддержка основных условий, выдвигаемых внешними игроками для политического и формально-правового признания правительства. Киргизия, будучи в принципе экспортером в самой минимальной мере, никогда не имела каких-либо особых интересов в Афганистане. В политической плоскости так же, как и РК, КР относительно нейтральна и особой активности не проявляет, так же декларируются формальные и общие подходы к вопросу признания правительства.

Экономические интересы Туркмении не менее масштабны и последовательны, чем у Узбекистана, хотя в большинстве случаев существуют только в виде обсуждаемых проектов. Среди них — проект строительства газопровода ТАПИ, железнодорожные проекты по маршруту Кушка-Герат с выходом на иранский Чабахар и Туркмения — Афганистан — Таджикистан, строительство энергоцентра с последующими поставками энергии и других коммуникаций, включая транзитные. Туркмения также с августа 2021 г. контактирует с правительством в Кабуле, эти контакты интенсивны: формально не объявляя о признании правительства движения талибов, туркменская сторона практически реализует с Кабулом полноценные дипломатические отношения. В политическом плане позиция также последовательна, начиная с середины 1990-х гг., когда реализовалась и прямая практическая поддержка движению «Талибан». В отличие от Узбекистана и всех других стран-соседей, Туркмения никогда не оказывала никакой поддержки каким-либо антиталибским силам.

¹ Каземи. Для работы с талибами нужно создать региональный комитет безопасности// Sputnik Афганистан. — 21.11.2022. URL: <https://t.me/sputnikaf/17095> (дата обращения 03.02.2023).

² Бахрами: Талiban ва пайамадхай-е шивай-е хокмрани// Хабрагозарей-е «ХабарОнлайн». — Тегеран, 1401, 24 дей [Бахрами: «Талибан» и последствия

(его) образа правления// Информационное агентство «Хабар-онлайн». — Тегеран, 14 января 2023]. URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1718702/> (дата обращения 03.02.2023). На языке фарси.

На фоне взаимоотношениям с Афганистаном, которые выстраиваются у всех других стран-соседей, а также России, Китая, Индии, ряда арабских стран, Турции, отдельно должна быть рассмотрена позиция, сформулированная правительством Таджикистана. Экономическое взаимодействие Таджикистана с Афганистаном довольно ограничено, важную долю в афганском импорте из РТ при этом занимают поставки э/энергии, в остальном товарный обмен не имеет какого-либо критически важного или существенного значения для обеих сторон. Интересно отметить, что несмотря на позицию РТ по отношению к правительству «Талибана», экспорт э/энергии из РТ после августа 2021 г. существенно вырос. Расположение Таджикистана и состояние его экономики (в первую очередь минимальный экспортный потенциал) являются одним из факторов, объективно ограничивающих возможности какого-либо роста торгового взаимодействия.

Политическая позиция характеризуется транслированием общих требований к правительству движения талибов, но — в отличие от РФ, РУз, а также Ирана, Пакистана, Китая — артикулируемых с иными коннотациями. Названные страны, апеллируя к необходимости создания в Афганистане представительного (инклюзивного) правительства подразумевают создание правительства, в котором представленность этнических и других политических групп была бы основой сбалансированности, стабильности и эффективности правительства. Категоричность, с которой инклюзивность декларируется со стороны Таджикистана, подразумевает некую весомую численность в высших органах власти Афганистана прежде всего политиков из таджикского афганского сообщества. При том, что таких политиков, имеющих электоральную поддержку в самом Афганистане, просто не существует, подобная риторика во многом направлена на собственно таджикостанское общество, способствуя его консолидации вокруг руководства РТ и, одновременно, стимулируя рост этнического национализма. Будучи направленной во многом на решение внутривнутриполитических задач, подобная политика могла бы считаться внутренним делом Таджикистана. Однако определенная практическая поддержка, которая

оказывается в Таджикистане афганским таджикским антиталибским группировкам, содержит в себе как потенциал эскалации внутриафганского конфликта, так и потенциал межгосударственного конфликта между Таджикистаном и Афганистаном и, таким образом, имеет значение для сферы безопасности всего региона.

В контексте политики США и России

Региональная стратегия США после вывода войск из Афганистана в 2021 г. продолжает оставаться агрессивной, наступательной, направленной на достижение своего доминирования в противоборстве с Россией и КНР и влияния на главные региональные процессы. При этом не существует какого-либо одного сценария в региональной политике США, эта политика синтезирует в себе развитие ряда взаимодополняющих тенденций и их самовоспроизводство, стимулирование процессов, работающих в комплексе с другими на достижение целей США. Ключевым или даже центральным элементом этой стратегии является сохранение и самовоспроизводство конфликтной ситуации в Афганистане с параллельным вовлечением в конфликт всех соседних стран, а также России, Ирана и КНР. Поддержание существующих конфликтогенных зон является важнейшим инструментом, в основе потенциальных конфликтов могут лежать различные ситуации, способные развиваться как явления национализма, сепаратизма, религиозные и иные социальные фобии, а также потенциальные межгосударственные конфликты. Задачей стран Центральной Азии в этих условиях является недопущение какой-либо военной эскалации конфликта в Афганистане.

Сравнительный анализ афганской политики стран Центральной Азии в контексте происходящей глобальной трансформации всей мировой системы международных отношений показывает необходимость конструктивного сотрудничества с действующим правительством Афганистана. Эта необходимость или потребность в основном связана с экономикой, включая и изменения в подходах к трансграничным коммуникациям. Но одновременно она важна и как фактор поддержания региональной стабильности. Россия, являющаяся единственным и неоспоримым гарантом безопасности для региона,

полностью эту позицию разделяет. Для России в новой геополитической ситуации становится актуальным пространство потенциальных транспортных коммуникаций (для диверсификации, параллельно с МТК «Север-Юг») для выхода на рынки стран Южной и Юго-Восточной Азии, бассейна Индийского океана, Персидского залива. Целеполагание российской афганской политики включает в себя недопущение эскалации военной и террористической активности в Афганистане и проецирования угроз с афганской территории в зону жизненных интересов России — каковой является Центральная Азия — и на территорию самой России.

Эти и ряд других целей и задач российской афганской политики — в сравнении с политикой стран Центральной Азии — во многом совпадают, хотя и имеются, безусловно, некоторые важные, но преодолимые отличия. Из этих отличий проистекает и вероятная необходимость в перспективе работы по дальнейшему согласованию политики в отношении Афганистана как на двусторонних уровнях, так и, вероятно, в форматах ШОС и ОДКБ.

Военно-политический конфликт в Афганистане не имеет перспектив к завершению в кратко- и среднесрочной перспективе, что означает и сохранение его существующего статуса как источника угроз и рисков для региональной безопасности. Важным фактором продолжения конфликта было и остается, помимо региональных и внутривосточных противоречий, его наложение на глобальный геополитический конфликт в рамках формирования принципиально новой конфигурации мировой системы международных отношений. В этих обстоятельствах сохранение сложившейся относительной и неуверенной стабильности через конструктивное сотрудничество с действующим правительством Афганистана — движением талибов — является ключевым фактором поддержания стабильности в регионе. Афганское направление внешней политики Узбекистана в этих условиях нужно охарактеризовать не только как соответствующее национальным интересам страны, но и как системно последовательное и соответствующее интересам развития всего региона, а также самого Афганистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. — Алма-Ата, 2003.
- Зоидов К.Х., Медков А.А.* Экономические интересы России и развитие транспортно-транзитных систем Афганистана и других стран Центральной Азии // Проблемы рыночной экономики. — М., 2021. — № 4. — С. 140-156.
- Князев А.А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004.
- Князев:* Барраси-йе нагш-э озбекистан дар тахавволат-э афганистан [Князев: Анализ роли Узбекистана в афганских процессах] // Хафтэнаме-йе Иран-э шарги [Еженедельный журнал «Восточный Иран»]. — Мешхед, 1397 [2018]. — Шомарэ-йе 233, Шахревар [№ 233, август-сентябрь]. На языке фарси.
- Князев А.А.* Афганские события весны-лета 2021 г. и обновленная региональная безопасность // Постсоветские исследования. — М., 2021 №4(6). — С. 456-469.
- Махмудов Р.Б.* Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. — М., 2021. — № 1 (50). — С. 121-134. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2021/i-1/central-asia-in-the-global-world/foreign-policy-of-contemporary-uzbekistan> (дата обращения 03.02.2023).
- МИД Узбекистана* сделал официальное заявление по Афганистану. — UzDaily. — Ташкент, 17.08.2021. — URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/63000> (дата обращения 03.02.2023).
- На встрече «ШОС-ОДКБ» *Мирзиеёв* озвучил позицию Узбекистана по «афганскому вопросу» // Медиа-портал «Новости Узбекистана». — Ташкент, 2022, 19 сентября 2021. URL: <https://nuz.uz/politika/1208279-na-vstreche-shos-odkb-mirziyev-ozvuchil-pozicziyu-uzbekistana-po-afganskomu-voprosu.html> (дата обращения 03.02.2023).
- Мирзоев С.Т.* Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // Вестник педагогического университета. — Душанбе, 2019. — № 2(79). — С. 278-284.

<https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-vo-vneshney-politike-respubliki-uzbekistan> (дата обращения 03.02.2023).

Сафранчук И.А., Махмудов Р.Б. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия // *Мировая экономика и международные отношения*. — М., 2021, том 65, № 10. — С. 24-32. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2021/04-SAFRANCHUK.pdf (дата обращения 03.02.2023).

Снесарев А.Е. Афганистан / А.Е. Снесарев; Русское ист. о-во; сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. — М.: Рус. панорама, 2002.

Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи, сост. А.А. Снесарев, предисл. Л.Г. Ивашова. М.: Кучково поле, 2017.

Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017-2023 гг. // Проект указа Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». 7 февраля 2017 года. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 03.02.2023).

Эргашев Б.И. К вопросу о роли Узбекистана в афганском урегулировании // *Афганистан и безопасность Центральной Азии*. Вып. 4/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 71-76.

Эргашев Б. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // *Вызовы безопасности в Центральной Азии* / под ред. И.Я. Кобринской. — М.: ИМЭМО РАН, 2013. — С. 96-99.

REFERENCES

Akimbekov S.M. Afganskij uzul i problemy bezopasnosti Centralnoj Azii. — Alma-Ata, 2003.

Zoidov K.H., Medkov A.A. Ekonomicheskie interesy Rossii i razvitie trans-portno-tranzitnyh sistem Afganistana i drugih stran Centralnoj Azii // *Problemy rynochnoj ekonomiki*. — M., 2021. — № 4. — S. 140-156.

Knyazev A.A. Afganskij krizis i bezopasnost Centralnoj Azii (XIX — nachalo XXI v.). — Dushanbe: Donish, 2004.

Knyazev: Barrasi-je nagsh-e ozbekistan dar tahavvolat-e afganistan [Knyazev: Analiz roli Uzbekistana v afganskih processah] // *Haftename-je Iran-e shargi* [Ezhenedelnyj zhurnal «Vostochnyj Iran»]. — Meshhed, 1397 [2018]. — Shomare-je 233, Shahrevar [№ 233, avgust-sentyabr]. Na yazyke farsi.

Knyazev A.A. Afganskie sobytiya vesny-leta 2021 g. i obnovlennaya regional-naya bezopasnost // *Postsovetskie issledovaniya*. — M., 2021 №4(6). — S. 456-469.

Mahmudov R.B. Vneshnyaya politika sovremennogo Uzbekistana // *Rossiya i no-vye gosudarstva Evrazii*. — M., 2021. — № 1 (50). — S. 121-134. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2021/i-1/central-asia-in-the-global-world/foreign-policy-of-contemporary-uzbekistan> (data obra-sheniya 03.02.2023).

Mirzoev S.T. Afganistan vo vneshnej politike Respubliki Uzbekistan // *Vestnik pedagogicheskogo universiteta*. — Dushanbe, 2019. — № 2(79). — S. 278-284. <https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-vo-vneshney-politike-respubliki-uzbekistan> (data obrasheniya 03.02.2023).

Safranchuk I.A., Mahmudov R.B. Transportnaya svyazannost i mezh-dunarodnye processy v Evrazii: problemy i protivorechiya // *Mirovaya ekonomika i mezh-dunarodnye otnosheniya*. — M., 2021, том 65, № 10. — С. 24-32. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2021/04-SAFRANCHUK.pdf (data obrasheniya 03.02.2023).

Snesarev A.E. Afganistan / A.E. Snesarev; Russkoe ist. o-vo; sost. S.A. Shu-mov, A.R. Andreev. — M.: Rus. panorama, 2002.

Snesarev A.E. Indiya kak glavnyj faktor v sredneaziatskom voprose. Iz-brannye stati, sost. A.A. Snesarev, predisl. L.G. Ivashova. M.: Kuchkovo pole, 2017.

Strategiya dejstvij po pyati napravleniyam dalnejshego razvitiya Uzbeki-stana na 2017-2023 gg. // *Proekt ukaza Prezidenta Respubliki Uzbekistan «O Strategii dejstvij po dalnejsheму razvitiyu*

Respubliki Uzbekistan». 7 fevralya 2017 goda. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (da-ta obrasheniya: 03.02.2023).

Ergashev B.I. K voprosu o roli Uzbekistana v afganskom uregulirovanii// Afganistan i bezopasnost Centralnoj Azii. Vyp. 4/ Pod red. A.A. Knyazeva. — Bishkek, 2010. — S. 71-76.

Ergashev B. Politika Uzbekistana v otnoshenii Afganistana v kontekste obespecheniya regionalnoj bezopasnosti v Centralnoj Azii// Vyzovy bez-opasnosti v Centralnoj Azii / pod red. I.Ya. Kobrinskoj. — M.: IMEMO RAN, 2013. — S. 96-99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр Алексеевич Князев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных отношений МГИМО МИД России; профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. (E-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru).

Alexander Al. Knyazev, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of International Relations, MGIMO, MFA of Russia; professor, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. (E-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru).